

На правах рукописи

ИЛЬМОВА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**АКСИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
НА РУБЕЖЕ III - II ВВ. ДО Н. Э.:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЛАВТА**

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Ярославль
2006

Работа выполнена на кафедре культурологии и журналистики Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского».

Научные руководители: Заслуженный деятель науки РФ,
доктор искусствоведения,
профессор **Злотникова Т.С.**;
доктор исторических наук,
доцент **Перфилова Т.Б.**

Официальные оппоненты: доктор искусствоведения,
профессор **Барабаш Н.А.**;
кандидат культурологии,
доцент **Азеева И.В.**

Ведущая организация: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова».

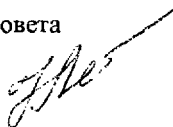
Защита диссертации состоится **14 декабря 2006 года в 14 час.** на заседании диссертационного совета К. 212.307.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, кандидата культурологии и кандидата философских наук при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского» по адресу: г. Ярославль, Которосльская наб., 66, ауд. 314.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского по адресу: г. Ярославль, Республиканская ул., 108.

Отзывы на автореферат присылать по адресу: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108. Диссертационный совет К. 212.307.03.

Автореферат разослан «13» ноября 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат культурологии,
доцент

Н.Н. Лётина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время, когда европейская культура заканчивает свой очередной цикл развития, а контуры следующей эпохи только намечаются, внимание исследователей привлекают переломные в истории человечества эпохи, связанные со сменой культурно-исторических парадигм, и, как правило, сопровождаемые кризисными явлениями в различных сферах общественной жизни. К числу таких рубежей принадлежит эпоха перехода от Ранней римской республики к позднереспубликанскому периоду (III–II вв. до н. э.).

Именно в переходный период началось постепенное превращение Рима в «мировую» державу, создание которой послужило толчком для проявления первых симптомов кризиса Рима-полиса, связанных с политическими, социально-экономическими, идеологическими, социально-психологическими изменениями в римском обществе. Это нашло своё отражение и в массовом сознании, и в повседневной жизни римлян, демонстрирующих нарастающее расхождение между традиционными ценностями, нормами поведения, с одной стороны, и повседневной реальностью – с другой.

Изучение историко-бытовых особенностей жизни римлян республиканского периода в культурологическом аспекте осуществимо в русле истории повседневности, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в её историко-культурном, политико-событийном и профессиональном контексте. При отсутствии репрезентативных исторических источников по римской культуре повседневности при решении исследовательских задач были использованы художественные тексты – комедии Плавта, жанровая специфика которых, особенно тесно связанная с бытовыми реалиями, даёт возможность конструирования картины повседневной жизни римского общества III–II вв. до н. э.

Тит Макций Плавт (253 – 184 гг. до н. э.) был самым популярным римским комедиографом, автором пьес, написанных по сюжетам греческих комедий, но насыщенных сугубо римскими бытовыми и социальными реалиями. Плавт, работая в жанре паллиаты – «комедии греческого плаща», воспроизводил персонажей и конфликты новоаттической «семейной драмы» как для осмеяния римских нравственно-бытовых пороков, так и для непосредственной критики слепого копирования римлянами ценностей греческой культуры.

Следует также заметить, что Плавт не был модератором аристократических слоёв римского общества. В своём творчестве он ориентировался, в основном, на средние и низшие круги римских граждан, которые нередко солидаризировались с консервативной частью нобилитета в борьбе против

«гнусных новшеств», проникавших в римскую повседневность, как они считали, именно в результате греческого влияния.

Обращение к комедиям Плавта для воссоздания культуры повседневности представляется методологически целесообразным прежде всего с точки зрения максимальной репрезентативности этих текстов, содержащих в себе явный римский колорит и отражающих именно римскую культуру повседневности. Соединение художественно-образной структуры (комедии Плавта) с исторически детерминированной картиной жизни людей определенной эпохи (культура повседневности) не только является значимой культурологической проблемой, но и имеет серьезную, хотя и не слишком развитую, традицию научного исследования. Сошлемся, прежде всего, на Ю. М. Лотмана, отмечавшего, что «из некоторого материала художник воссоздаст образ жизни в соответствии со структурой, по его мнению, свойственной данному явлению действительности»¹. Как известно, художник усматривает в конкретных обстоятельствах жизни и деятельности людей определенную социально-групповую общность быта, нравов, обычаев, характеров и выражает это общее в форме художественного образа². Подобные взгляды были актуализированы в нашем исследовании, где использование художественных произведений Тита Макция Плавта для воссоздания римской культуры повседневности рассматривалось вполне оправданным и продуктивным.

Отсюда целью исследования является моделирование особенностей римской культуры повседневности в её различных социально-антропологических аспектах сквозь призму художественных текстов Плавта. Для реализации цели были поставлены следующие задачи, которые и определили структуру работы:

1. Выявить и проанализировать систему римской республиканской аксиологии, получившую отражение в текстах Плавта.
2. Соотнести римскую культуру повседневности, в художественной форме отраженную в пьесах Плавта, с особенностями социально-экономической стратификации римского общества III – II вв. до н. э.
3. Актуализировать гендерный аспект римской культуры повседневности по материалам произведений Плавта, проанализировав феномены брака и семьи.

Проблема исследования состоит в изучении римской культуры повседневности на рубеже III – II вв. до н. э., получившей художественное воплощение в текстах Плавта.

¹ Лотман Ю. М. Проблема сходства искусства и жизни в свете структурного подхода // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. С. 32.

² Ковалев А. Г. Психология литературного творчества. – Л., 1960. С. 28 – 29.

Таким образом, объектом исследования является римская культура повседневности рубежа III – II вв. до н. э.

Предмет исследования – римская аксиология, отраженная в текстах римского комедиографа Тита Макция Плавта.

Хронологические рамки исследования определены концом III – первой половиной II в. до н. э., то есть временем, когда Рим начал своё превращение в крупнейшую мировую державу, что не могло не сказаться на его политическом, экономическом и социокультурном развитии и, в частности, на его культуре повседневности, связь которой с коренными процессами исторического развития представляется гораздо более отчетливой, чем во многие другие эпохи.

Материалом исследования послужили следующие источники:

1. *Основной источник*: художественные произведения Тита Макция Плавта³;

2. *Дополнительные источники*, имеющие контекстуальную связь с предметом исследования: художественные произведения Публия Теренция Афры⁴, речи Катона Старшего⁵ и Марка Туллия Цицерона⁶, сочинения Тита Ливия⁷ и Колумеллы⁸.

Обращение к дополнительным источникам в ходе данного исследования оправдано тем, что произведения Плавта поднимали проблемы, имевшие широкое социокультурное значение, которое по-разному актуализировалось авторами не только республиканской, но и императорской эпохи.

Методология исследования.

Междисциплинарный характер проблемного поля исследования, связанного, с одной стороны, с рассмотрением такого феномена, как римская культура повседневности, а с другой, – с использованием весьма специфического источника для изучения данного феномена, художественных тек-

³ Titī Macci Plautī comoediae / Ed. W. M. Lindsay. I – II. Oxford, 1904; Тит Макций Плавт. Комедии. Т. I – III / Пер. с лат. А. Артюшкова. – М.: ТЕРРА, 1997.

⁴ P. Terenti Afri comoediae / Ed. W. M. Lindsay-R. Kauer. Oxford, 1926. Теренций. Комедии / Пер. с лат. А. Артюшкова. – М.: ТЕРРА, 2000.

⁵ Катон Марк Порций. О земледелии. – М.-Л., 1950; о нем: Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. I. – М., 1961–1964.

⁶ Цицерон Марк Туллий. О старости; О дружбе; Об обязанностях / Пер. с лат. и коммент. В.О. Горенштейна. – М.: Наука, 1993; Его же. Три трактата об ораторском искусстве / Пер. с лат. Ф.А. Петровского и др. – М.: Ладомир, 1994; Его же. Речь: В 2 т. / Пер. с лат. и коммент. В.О. Горенштейна. – М.: Наука, 1993.

⁷ Тит Ливий. История Рима от основания города: В 3 т. / Отв. ред. Е.С. Голубцова. – М.: Наука, 1993.

⁸ Колумелла. О сельском хозяйстве // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве / Под ред. М.И. Бурского. М.-Л.: ОГИЗ-СЕЛЬХОЗГИЗ, 1937.

стов, – predeterminedил необходимость использования ряда научных методов, значимых для активно взаимодействующих сегодня общественных дисциплин (истории, культурологии, психологии, семиотики): системного метода, ретроспективного метода, сравнительного метода, герменевтического метода.

Методология диссертации опиралась на следующие принципы:

- Отказ от позитивизма, ориентированного на поиск «объективной информации», элиминирование вымысла; понимание источника как текста, запечатлевшего мысль и язык другой эпохи, признание аксиологической и онтологической ценности фантастических деталей.
- Соблюдение принципов герменевтического анализа в рамках герменевтической методологии; отношение к процессу понимания и интерпретации как к способам постижения смысла текста (В. Дильтей, Г. Гадамер, П. Рикер).
- Применение аналитических процедур семиотики к изучению знаково-символического контекста повседневности (исследование специфики художественной семиотизации повседневности); обращение к анализу «текста поведения» литературных персонажей как к семиотическому феномену (Р. Барт, Ю. М. Лотман).
- Использование психоаналитической методики как частного метода анализа отдельных аспектов культуры повседневности (З. Фрейд, Э. Фромм, К. Юнг).

К числу наиболее важных теоретико-методологических ориентиров, носящих обобщающий смысл для нашего исследования, принадлежат:

- философское осмысление феноменов культуры (В. С. Библер, П. С. Гуревич, М. С. Каган, А. Ф. Лосев);
- культурологическая и антропологическая концепции истории культуры повседневности (Ю. Л. Бессмертный, М. Блок, Ф. Бродель, Ж. ле Гофф, А. Я. Гуревич, Ж. Дюби, Л. П. Карсавин, Г. С. Кнабе, Л. Февр, А. Л. Ястребицкая);
- феноменологическая концепция культуры повседневности (Э. Гуссерль, А. Шюц).

Гипотеза исследования. В диссертации выдвигаются и доказываются предположения о том, что:

- в Риме на рубеже III – II вв. до н. э. возникли существенные предпосылки, predeterminedившие неизбежное разрушение полисной морали;
- первые симптомы духовно-нравственного кризиса проявились в изменениях римской повседневной жизни;
- римская аксиология нашла своё репрезентативное отражение в художественных текстах Тита Макция Плавта.

Степень разработанности проблемы определяется в нескольких аспектах:

1. Обобщающие труды по политической и социально-экономической истории Римской республики.

Обобщающие труды по истории Древнего Рима стали появляться в XIX в., однако в них излагалась прежде всего политическая история Римского государства, в том числе и периода республики (Т. Моммзен).

Господство идеологизированного марксистского подхода к изучению исторических процессов (середина XX в.) предопределило преимущественно политическую и социально-экономическую проблематику большинства работ занимающихся изучением истории Древнего Рима отечественных историков. К их числу относятся С. Л. Утченко, создавший целую серию трудов по политической истории Римской республики, а также Н. Н. Трухина, рассмотревшая политическую деятельность крупнейших исторических фигур II в. до н. э., состав и цели политических партий того времени.

В центре внимания отечественных историков XX в. были и экономические проблемы жизни римского государства, изучением которых занимались такие исследователи, как В. И. Кузищин, М. Е. Сергеевко, Е. М. Штаерман.

В последние десятилетия XX в. в отечественной историографии усилилось внимание к освещению культурных и психологических аспектов социально-экономической сферы жизни Древнего Рима. Такой подход очевиден, например, в работах Б. С. Ляпустина и В. М. Смириня.

2. Труды, посвященные изучению римской ментальности, римской культуры в целом и культуры повседневности, в частности. Среди обобщающих работ, посвященных истории культуры античного Рима, следует прежде всего отметить работы Ф. Ф. Зелинского, а также коллективные монографии отечественных ученых второй половины XX в., в которые включены исследования М. Л. Гаспарова, Е. С. Голубицовой, В. Н. Илюшечкина, Г. С. Кнабе, Ю. К. Колосовской, А. И. Павловской, Н. А. Поздняковой, И. А. Протопоповой, В. М. Смириня, Г. И. Соколова, С. В. Шкунаева.

Изучением ментальности римлян занимались многие историки, среди них О. В. Брейкин, И. Х. Гарипзанов, Г. С. Кнабе, И. Е. Суриков, С. Л. Утченко. Из работ отечественных авторов основополагающими для понимания римского мироощущения являются труды Г. С. Кнабе и С. Л. Утченко. Г. С. Кнабе рассматривает человека Древнего Рима как своего рода психологическую загадку и пытается раскрыть особенности его миропонимания. В основе всех его работ лежит стремление не только проследить магистральные процессы общественного развития в древности, с точки зрения их повседневно-бытовых проявлений, но и выработать понимание явлений быта античного мира как отражения таких процессов. В названном модусе состоит принципиальное отличие его трудов от распространенных научно-популярных сочинений по истории культуры древних народов (Ф. Веллишский, Л. Винничук), где реалии повседневной жизни рассматриваются обычно всего лишь как фон исторического развития.

Культурой повседневности и изучением римского быта занимались и такие историки, как Т. А. Бобровникова и М. Е. Сергеевко. Изучение исторических процессов через реалии повседневной жизни было главной целью авторов коллективного труда «Быт и история в античности». К этой же теме неоднократно обращались и такие зарубежные исследователи как Ф. Дюпон, Ж.-Н. Робер, продолжившие традиции «Школы анналов».

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что несмотря на наличие исследований, посвященных культуре повседневности в Древнем Риме, тексты комедий Плавта ещё не стали в отечественной историографии *предметом специального изучения*, и ценностные аспекты историко-культурного бытия римлян ещё не до конца изучены.

3. Труды, посвященные изучению творчества Плавта.

Изучение творческого наследия Плавта началось ещё в эпоху античности. При этом главной целью филологов была атрибуция произведений римского комедиографа (с учетом огромного числа приписываемых ему комедий). В IV в. н. э. был создан один из дошедших до настоящего времени списков комедий Плавта – Амброзианский палимпсест (Codex Ambrosianus), – открытый кардиналом А. Маи лишь в 1815 г. и расшифрованный затем В. Штудемундом.

Новый этап изучения текстов римского комедиографа начался в XIX в., когда был произведен сравнительный анализ Амброзианского палимпсеста с более поздними рукописями произведений Плавта, сделанными в средние века (X – XI вв.). Это позволило установить оригинальный древнейший текст, содержащий все комедии, которые в I в. до н. э. римский ученый Варрон считал безоговорочно подлинными.

Исследователей XIX и первой половины XX в. в основном интересовала проблема отношения комедий Плавта к их аттическим образцам. Наряду с признанием римского комедиографа простым переводчиком образцов новоаттической комедии, с чем весьма трудно согласиться, появилась и другая тенденция: подчеркивать оригинальность творчества Плавта. В частности, немецкая филологическая школа XIX – первой пол. XX в. в лице Ф. Лео, Э. Френкеля, Г. Яхмана сосредоточила своё внимание на выделении в произведениях Плавта оригинальных фрагментов и заимствованных пассажей, в результате чего пьесы римского комедиографа были восприняты как чередование «плавтовского» и «аттического» текстов (Plautinisches и Attisches).

Гораздо более близкой к истине представляется позиция итальянских ученых середины XX в., которые считают, что в комедиях Плавта греческой является только внешняя «оболочка» и общая сюжетная схема, опираясь на которую римский поэт создаёт совершенно новые оригинальные произведения, переосмысливая не только характеры действующих лиц, но и сам сюжет комедии.

В отечественном литературоведении тезис о самостоятельности, оригинальности и даже новаторстве Плавта отстаивали такие исследователи, как А. Б. Горштейн, К. П. Полонская, Л. И. Савельева. Свою лепту в доказательство данной точки зрения внесли и отдельные статьи М. Позднева и И. М. Тронского.

Следует также заметить, что за пределы проблем драматургической техники большинство исследователей творчества Плавта почти не выхо-

дят; это объясняется прежде всего тем, что исследованием комедий Плавта занимаются, в основном филологи и историки театра.

Наряду с обозначенной проблематикой следует также отметить и работы, посвященные изучению комедий Плавта с точки зрения их социальной направленности. Помимо мнения американского исследователя Дж. Дакворта о том, что римская комедия была равнодушна к социальным проблемам, существует и другое: О. Юевич и А. Л. Кац подчеркивают тесную связь между комедиями Плавта и римской общественной жизнью, что имеет принципиальное значение для нашего исследования. В этом же ключе рассматривает повседневную терминологию политической сферы жизни римлян, отраженную в комедиях Плавта, и английский филолог Д. Эрл.

Характеризуя степень разработанности интересующей нас проблемы на основе обзора широкого круга трудов, актуализированных в диссертации, необходимо констатировать: несмотря на возросший в последнее время интерес к проблемам истории ментальности, истории культуры повседневности, в отечественной историографии до сих пор не была предпринята попытка поставить проблемы культуры повседневности Римской республики в их связи с художественными текстами.

Научная новизна исследования определяется:

- привлечением художественных произведений Плавта в качестве источника сведений о римской культуре повседневности рубежа III – II вв. до н.э.;
- актуализацией понятия «текст поведения» применительно к персонажам Плавта в рамках семиотической и герменевтической интерпретации его представлений о социальной структуре римского общества;
- применением психоаналитической методик как частного метода анализа гендерных аспектов римской культуры повседневности.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в нем:

- доказана аутентичность свидетельств, содержащихся в художественных произведениях Плавта как в источнике представлений о римской культуре периода республики;
- на основе текстов Плавта выявлено своеобразие аксиологии повседневности римлян рубежа III–II вв. до н.э. в её различных социально-антропологических аспектах;
- систематизирован значительный эмпирический и историографический материал, характеризующий культуру повседневности республиканского Рима.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы диссертации могут способствовать дальнейшим научным работам, связанным с проблемами культуры Римской республики, а также быть использованы при чтении историко-культурных курсов и спецкурсов, при проведении практических и семинарских занятий по темам, связанным с изучением истории и культуры римской цивилизации.

Личный вклад диссертанта состоит в том, что были подвергнуты скрупулёзному анализу и интерпретации художественные произведения Тита Макция Плавта с точки зрения отражения в них римской аксиологии повседневности республиканского периода.

Положения, выносимые на защиту:

– Римская аксиология, носившая прагматический и социально-ориентированный характер, может быть исследована в контексте римской культуры повседневности, актуализированной в произведениях Плавта.

– Комедии Плавта позволяют обнаружить изменения в римской повседневной жизни, вызываемые разрушением системы взаимосвязанных ценностей, некогда объединявшей римский полис в единое целое, дегармонизацией социальных отношений, развитием индивидуализма и эмансипацией алчной, амбициозной личности из *civitas*.

– Римские религиозные представления эпохи Плавта во многом нисходили в сферу повседневности, и именно через последнюю укоренились в коллективном бессознательном римлян. Эта черта римской религиозности стала одной из причин развития в Риме эпохи Плавта идей религиозного скептицизма.

– Наряду с отражением традиционных гендерных представлений римлян Плавт впервые показывает признаки их трансформации, которые проявились в разрушении стереотипов поведения идеальной матроны (целомудрие, скромность, бережливость, смирение и послушание), в появлении новой модели поведения замужней женщины, создаваемой как подражание мужским образцам, что, в свою очередь, инициировало распад устоев патриархальной семьи, и в негативной оценке мужского бытового поведения.

– Плавт выступает апологетом старинной системы ценностей, защищая её при помощи присмов смеховой культуры.

Апробация результатов исследования осуществлялась на заседаниях кафедры культурологии и журналистики ЯГПУ им. К.Д. Ушинского; на региональных, всероссийских и международных научно-практических конференциях в Москве, Санкт-Петербурге и Ярославле: «Человек в информационном пространстве» (Международная научно-практическая конференция, Ярославль, 2005–2006 гг.), «Науки о культуре – шаг в XXI век» (VII всероссийская конференция-семинар молодых ученых, Москва 2005 г.), «Фигуры истории, или «общие места» историографии» (Всероссийская научная конференция, Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории, Санкт-Петербург, 2005 г.), на научных чтениях им. К.Д. Ушинского ЯГПУ (2004–2005 гг.).

Структура работы подчиняется решению поставленных задач и состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы, включающего 125 наименований.

Общий объем работы – 211 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность выбора темы исследования, рассмотрена степень изученности проблемы, определены цели, задачи, предмет исследования; обозначена теоретико-методологическая база, сформулирована научная гипотеза, положения, определяющие новизну исследования, его теоретическую и практическую значимость.

В первой главе – «**Моделирование аксиологии повседневности древних римлян республиканского периода на основе текстов Плавта**» – обосновывается аутентичность произведений Плавта как источника представлений о римской культуре периода республики; реконструируется аксиология повседневности древних римлян республиканского периода и воссоздается бинарная оппозиция традиционной аксиологии и «упадка нравов», проявляющаяся на уровне римской повседневности.

В первом параграфе – «**Аутентичность произведений Плавта как источника представлений о римской культуре повседневности**» – анализируются характерные особенности творчества Плавта в контексте специфики развития театрального искусства на римской почве в целом.

В процессе анализа феномена плавтовского театра (действие комедий Плавта разворачивалось в греческих городах Балканского полуострова или на побережье Малой Азии, а героями комедий Плавта выступали греки) мы обнаружили, что зрители безошибочно идентифицировали плавтовских персонажей с римлянами, находя в пьесах этого комедиографа многочисленные проявления именно римской жизни.

«Романизация» греческих сюжетов проявлялась прежде всего в том, что Плавт решительно вносил в свои комедии многочисленные черты римской культуры, римского уклада жизни, в т. ч. римского суда, римского самоуправления, римских религиозных представлений; в пространстве плавтовского текста достаточно отчетливо отразились историко-бытовые реалии жизни римлян III–II вв. до н. э., и это даст возможность считать не только правомерным, но и целесообразным использование художественных произведений Плавта в качестве источника для исследования культуры повседневности римского общества периода республики.

Особое внимание в параграфе было уделено проблеме соответствия оригиналу русского перевода в его деталях, актуализирующих бытовой фон Римской республики. Единственным поэтом, осуществившим перевод всех произведений Плавта, является А. В. Артюшков, живший на рубеже XIX–XX вв. Благодаря его переводам тексты Плавта стали фактом русской культуры, в связи с чем можно было установить их аутентичность как источника представлений о римской культуре повседневности.

Переводы А. В. Артюшкова высокохудожественны, они ярко передают живой разговорный язык плавтовских персонажей, дают представление

о метрических особенностях комедий Плавта, так как выполнены размером подлинника, и самое главное – практически не искажают смысл оригинала, в чем мы убедились, осуществляя построчный перевод комедий и сравнивая с ним тексты А. В. Артюшкова.

В целом следует подчеркнуть, что и оригинальный текст Плавта, и его русский перевод дают представление об историко-бытовых реалиях жизни римлян на рубеже III–II вв. до н. э.

Во втором параграфе – «Бинарная оппозиция римских традиционных добродетелей и «новых пороков» в текстах Плавта» – был предпринят опыт сопоставления римских традиционных ценностей с изображаемой Плавтом аксиологией современной ему повседневной жизни, в результате чего мы смогли установить, как идеальные представления римлян о себе соотносились с образцами их повседневного поведения.

Анализируя аксиологическую систему римлян республиканского периода, мы сочли необходимым обратиться к анализу феномена Римского полиса, во многом детерминирующего ментальные особенности жителей Древнего Рима.

В результате исследования особенностей римского «полисного сознания», нашедшего свое отражение в текстах Плавта, мы пришли к выводу, что римляне продолжали ориентироваться на основные коллективные ценности, определявшие их ценностное сознание и жизненную позицию. Центральные категории римской полисной морали фигурируют практически в каждой пьесе комедиографа. Это *virtus* (доблесть, мужество, источник всех остальных достоинств человека), *fides* (верность), *pietas* (благопочтение), *honor* (почесть), *gloria* (слава), *fama* (репутация, доброе имя), *constantia* (твердость, постоянство), *gratia* (благодарность), *industria* («трудолюбие, неусыпная деятельность»), *sapientia* («мудрость»).

В то же время последовательная, подчас демонстративная приверженность Плавта староримским моральным принципам, сам факт настоятельного провозглашения и защиты «прописных» ценностей подчеркивает то, что вера в них, следование им пошатнулись. Вероятно, в римской повседневности наметились определенные изменения, проявившиеся прежде всего в том, что стал разрушаться образ сурового в повседневной жизни римлянина, готового к раскрепощению только на короткое время праздника. Алчность, расточительность, честолюбие, стремление к гедонизму, праздность, лень в эпоху Плавта были такими же атрибутами римской повседневности, как и подчас лишь номинально провозглашавшиеся традиционные римские доблести.

Плавт, констатируя упадок древних нравов (рост отклоняющегося от староримских норм добродетели поведения), видит его проявления прежде всего в том, что появились такие «*nova flagitia*» («гнусные новшества»), как *luxuria* (эгоистическая расточительность и роскошь), *avaritia* (алчность,

корыстолюбие), *ambitus* (чрезмерная, тщеславная жажда почестей, неумеренное честолюбие, тщеславие), *superbia* (высокомерие, гордыня), *impudentia* (бесстыдство), *desidia* (бездеятельность, инертность).

В целом, выявленный нами набор понятий, составляющих круг представлений Плавта о моральных добродетелях и «новых пороках», свидетельствует о том, что на рубеже III–II вв. до н.э. традиционная римская аксиология неизбежно приходила в столкновение с новым образом жизни.

При этом главными факторами изменения повседневной жизни Римской республики были многочисленные завоевания, изменение геополитического положения Рима и последовавшие за этим политические, социально-экономические и социально-психологические трансформации римского общества. Однако с позиции имманентного восприятия самими римлянами происходящих перемен, их причины неизменно связывались с «импортом» эллинского образа жизни на римскую почву.

Следует отметить, что именно в эту эпоху эллинистические ценности стали утверждаться в среде образованной римской знати, стремившейся войти в цивилизованный, созданный по греческому образцу мир. Это, однако, отрицательно оценивалось многими римскими сенаторами, скептически настроенными ко всему новому, продолжавшими ориентироваться на традиционные римские добродетели как на панацею от внушающего тревогу будущего.

Плавт, видя именно в греках источник девальвации римских традиционных ценностей, активно выступая против эллинского влияния на Рим, даже ввёл специальный неологизм, который был призван охватить весь спектр привнесённых греками пороков, – *pergraecari* (иногда *congraecare*). Он означал «жить на греческий манер» (то есть «распутничать») и был приравнен к жизни в излишествах.

В целом очевидно, что римский комедиограф был свидетелем первых симптомов кризиса Рима-полиса, именно поэтому он занял охранительную позицию по отношению к старинной системе ценностей и, выявляя всё, что этой системе ценностей противостояло, всё, что её разрушало, компенсаторными функциями смеховой культуры стремился к возрождению идеального прославленного римского прошлого.

Во второй главе – «Аксиология социально-культурной проблематики римского быта у Плавта» – социально детерминированные аспекты римской повседневной жизни раскрываются через анализ таких категорий, как социальная структура римского общества, архетип достатка, религиозное сознание римлян, которые в Риме на рубеже III – II вв. до н. э. претерпели определенные трансформации, что нашло свое отражение в произведениях Плавта.

В первом параграфе – «Представления Плавта о социальной структуре римского общества» – производился семиотический и герме-

неэтический анализ социальной структуры римского общества на основе изучения текста поведения литературных персонажей Плавта.

По материалам произведений Плавта изучение текста поведения, типичного для римлян III – II вв. до н. э., позволило реконструировать те ментальные стереотипы, на которых основывалось поведение многих современников римского комедиографа, в зависимости от места, занимаемого ими в системе социальной иерархии. Положением персонажей Плавта на определенной ступени социальной лестницы определяло статусный тип поведения, начиная с семантики одежды, особенностей жестов, походки, организации процедуры потребления пищи и заканчивая спецификой межличностных отношений.

В результате исследования мы пришли к выводу о том, что в древнеримской гражданской общине началась дегармонизация социальных отношений, отразившаяся в произведениях «бытописателя» Плавта, очевидна происходивших изменений.

Изучение текста поведения персонажей Плавта позволило сделать вывод и об увеличении разобщения между самими римлянами, что проявилось прежде всего в начавшемся вырождении сугубо римского института клиентелы. Смысл этой системы изначально состоял в демонстрации солидарности членов единой гражданской общины. Но в комедиях Плавта клиент довольно часто воспринимался героями как «прихлебатель» и изживенец. Не случайно поэтому для сатирического изображения института клиентелы римским комедиографом была выбрана именно роль паразита (от греч. «сотрапезник»): вероятно, эта маска уже отождествлялась многими его современниками с фигурой клиента. По-видимому, в эпоху Плавта патрональное покровительство уже воспринималось многими римлянами как обуза, в связи с чем некоторые фрагменты плавтовских комедий построены на контрасте нормы солидарности и усиливающегося разобщения.

Анализ произведений Плавта («Пуниец», «Два Менехма», «Стих», «Перс», «Псевдол», «Вакхиды», «Три монеты») позволил нам сделать вывод о том, что такие традиционные староримские ценности, как *pietas* (благочестие), *fides* (верность), *concordia* (согласие), выступавшие в сознании римлян основой поддержания социальной гармонии, начинали фигурировать в римском обществе лишь номинально. Нередко лишаясь связи с реальными общественными отношениями (например, такими, как взаимоотношения патрона и клиента), они утрачивали и свою общественную значимость; судя по произведениям Плавта, ценностная взаимосвязь, некогда объединявшая римский полис в единое целое, постепенно утрачивалась, превращаясь в рудимент сознания.

Социальное и имущественное неравенство, начавшееся развитие индивидуализма, в противовес староримской ориентации на «общее благо», на уровне повседневности стали пронизывать римское общественное со-

знание, распространяясь и на межличностные отношения. Однако Плавт, не скрывая социальных противоречий, ограничивается лишь критикой «новых пороков»; не призывая к изменению существующей социальной структуры римского общества, он критикует лишь сложившуюся в нём социально-психологическую обстановку, отступление многих римлян от традиционных римских *virtutes*. Сходные позиции мы обнаружили при изучении отношения римлян и к такой категории, как достаток.

Во втором параграфе – «Аксиологическое осмысление социально-экономической проблематики в комедиях Плавта» – был предпринят опыт изучения изменения отношения к достатку/ богатству в Риме эпохи Плавта.

В ходе анализа текстов римского комедиографа мы пришли к выводу, что в конце III – начале II в. до н. э. в Риме получили распространение два представления о богатстве – позитивное и негативное. Первое ассоциировалось преимущественно с земельной собственностью, второе связывалось прежде всего с обладанием денежными ресурсами и предметами роскоши, которые именно в этот период стали проникать в Рим из Греции и восточных стран. Отдельные представители римского общества стали стремиться к роскошному образу жизни, что, в свою очередь вызывало огромное недовольство у консервативно настроенных сограждан, ориентированных на староримскую мораль, призывающую к скромности даже при обладании большим богатством.

В диссертации выявлено: римский комедиограф отнюдь не осуждал богатство как таковое, он критиковал лишь его бессмысленное и иррациональное, а иногда и позорное использование, направленное на поддержание роскошного образа жизни.

Именно в этом контексте у Плавта прославлялись трудолюбие, скромная, простая жизнь без излишеств (*clementia*), присутствовали призывы сбросить, сохранить, сэкономить (что ставилось в один ряд с такими традиционными ценностями, как “доблесть” – *virtus* и “слава” – *gloria*), приводились примеры осмотрительных и расчетливых трат, осуждалась праздность, критиковалась расточительность.

Судя по комедиям Плавта («Привиденис», «Пуниец», «Куркулион», «Три Монеты», «Канат», «Купец»), в рассматриваемый период уже существовало достаточно много примеров иррационального и расточительного отношения юношей к «отеческому имуществу». Плавт, несомненно, осуждал подобное поведение современной ему молодежи, считая расточительство одним из самых серьезных человеческих пороков.

В целом, Плавт сумел зафиксировать в своих комедиях не только особенности устоявшихся представлений о социально-экономической сфере жизни Рима, но и обозначил только намечавшиеся проблемы. Главной из них была проблема дихотомичности аксиологических представлений о богатстве/достатке.

Третий параграф – «религиозное сознание римлян и повседневность в контексте творчества Плавта» – посвящен анализу такого неотъемлемого элемента римской ментальности, как религиозность. В диссертации подчеркнуто, что изучение этой стороны творчества Плавта позволило сквозь призму явлений культуры повседневности выявить не только элементы официальной римской религиозности, но и первые признаки религиозного скептицизма, уже начавшего проникать в сознание римского плебса.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что римская религия эпохи Плавта во многом нисходила в сферу повседневности, и именно через последнюю укоренялась в коллективном бессознательном римлян. Эта черта римской религиозности, на наш взгляд, стала одной из причин развития в Риме эпохи Плавта идей религиозного скептицизма. Этому же способствовали и бедствия Второй Пунической войны, которые, по-видимому, заставили многих римлян усомниться в силе и могуществе традиционных римских богов, что вызвало определенный поворот в религиозных и моральных представлениях римских масс. На это указывают и отдельные фрагменты комедий Плавта, в которых устами героев выражаются сомнения в силе и могуществе богов («Осль», «Касина», «Клад», «Пленники», «Канат», «Пунисид»). Имена богов нередко обыгрываются и в непристойных шутках, основанных на снижении пафоса божественного образа. Тот факт, что римский комедиограф осмелился высмеивать богов-покровителей Рима, свидетельствует и о начавшемся падении их авторитета.

Ироничное отношение к богам в произведениях Плавта распространяется и на элементы религиозного культа в целом. В частности, здесь встречаются пародийные молитвы, пародийные клятвы, высмеивается скупость во время жертвоприношений, критикуется кража предметов, посвященных богам. Таким образом, «упадок нравов» зафиксирован драматургом и в этой сфере римской повседневности. Как показали отдельные фрагменты произведений Плавта, всякий раз, когда религиозные законы противоречили выгоде отдельных персонажей, они их, не колеблясь, нарушали, несмотря на то, что основу официального римского консерватизма составляло благоговейное почтение к богам.

В целом, распространявшийся в Риме в эпоху Плавта религиозный скептицизм, так же, как и сама римская религия, во многом опирался на римский повседневный опыт и обыденные социокультурные практики.

Третья глава – «Аксиология гендерной сферы у Плавта» – посвящена рассмотрению гендерного аспекта римской культуры повседневности на материале произведений Плавта, анализу тех проблем, которые в эпоху римского комедиографа становились все более характерными для римской патриархальной семьи.

В первом параграфе – «Аксиология представлений о матроне в контексте брачно-семейных отношений у Плавта» – были актуализиро-

ваны прежде всего такие понятия, как «семья», «браку», «женщина». Изучение жизни римской женщины, ценное само по себе, выступало оптимальным способом изучения также и мира римского мужчины, и римской ментальности в целом.

Анализ взаимоотношений и рассуждений плавтовских персонажей, изучение текста их поведения, во многом отражающего определенный гендерный порядок республиканского Рима, позволили раскрыть характерное для римского общества содержание таких категорий, как «женственность» и «мужественность», исследовать особенности мужского и женского сценариев жизни («Амфитрион», «Стих», «Клад», «Касина», «Два Менехма», «Купец», «Хвастливый воин», «Осль»).

Лингвокультурологический анализ латинской терминологии, касающейся брака как процедуры и как социально-культурного института, и семантический анализ римского понятия «фамилия» позволили сделать вывод о том, что в сознании римлян именно мужчина занимал первенствующее положение. Анализ произведений Плавта, в свою очередь, дал репрезентативные подтверждения этого представления.

Судя по пьесам римского комедиографа, в его эпоху общепризнанными гендерными установками в поведении по-прежнему были установки на «добродетельную матрону», подчиняющуюся власти мужа и отца, и «сильного главу фамилии», обладающего почти безграничной властью над всеми домочадцами.

В римской социальной системе, с её мужским доминированием, от женщины главным образом требовались покорность и послушание по отношению к мужчинам, её воспитывали так, чтобы она прежде всего признавала мужское «превосходство». Этим были обусловлены не только бытовые аспекты жизни, но и основные правила, определявшие нормы поведения идеальной матроны: «*pudicitia*» (целомудрие, стыдливость, застенчивость), «*probitas*» (честность и скромность), «*parsimonia*» (бережливость), «*modestia*» (смирение и покорность) – те традиционные женские ценности, которые вели к престижу института семьи над безбрачием. Представления римлян об этих женских качествах оставались практически неизменными в рассматриваемый период и являлись детерминантой фемининности.

Изучив основные стереотипы, определявшие нормы поведения идеальной матроны, мы в то же время смогли обнаружить появление новой модели поведения замужней женщины, обладавшей богатым приданым, что порождало её стремление к обладанию роскошью и получению независимости от патриархальных устоев. Это, в свою очередь, инициировало распад основ патриархальной семьи.

Этому же способствовало и развитие мужского адольтера, который в комедиях Плавта, а вполне возможно и в повседневной жизни его современников, уже не представлял ничего исключительного.

Во втором параграфе – «Аксиология коллективного бессознательного в контексте представлений о сексуальности и внебрачной любви у Плавта» – на основе текстов Плавта подробно проанализирован механизм внебрачного сексуального поведения римских мужчин, которое во многом способствовало распаду устоев римской традиционной патриархальной семьи.

Для проникновения во внутренний мир персонажей Плавта, а, возможно, и многих его современников, мы сочли необходимым обратиться к психоаналитическим методикам, позволяющим исследовать коллективное бессознательное как контекст поведения литературных персонажей. Подчеркнем, что данное направление изучения творчества Плавта до сих пор относится к числу не освоенных.

Попытавшись применить частные психоаналитические методики, а именно – метод толкования сновидений и интерпретацию ошибочных действий человека (в случае с персонажами Плавта – их весьма специфические оговорки), – мы смогли получить новую значимую информацию о том, как его современники, прежде всего мужчины, заключали “договор” со своей совестью, используя механизмы психологической защиты, направленные, главным образом, на то, чтобы совместить требования общественной морали с возможностью удовлетворения своих, часто бессознательных сексуально окрашенных желаний.

Оттолкнувшись от изучения (с психоаналитической точки зрения) основных негативных оценок мужского обыденного поведения, мы смогли, далее, актуализировать позиции коллективного бессознательного в отношении сексуального поведения как основы нравственных отклонений.

На основе анализа главных причин внебрачной «любви» мы пришли к выводу, что основными причинами мужского адольтера в эпоху Плавта, судя по его произведениям, были: строгий моногамный принудительный брак, существенная разница в возрасте между супругами, отсутствие запрета на официальном уровне и соответственно легализация на обыденном уровне связей римских мужчин с гетерами и рабынями, а также внесемейность античной эротической практики. Распространение добрачных связей в римском обществе, как об этом свидетельствует Плавт, также во многом было обусловлено легализованной на обыденном уровне свободой мужской «полюгамии».

Осуждение гетеризма осуществлялось Плавтом как с экономической, так и с морально-этической позиций («Вакхиды», «Три монеты», «Привидение», «Куркулион», «Ослы», «Псевдол»). На актуальность этой проблемы для Рима в эпоху Плавта указывает, по крайней мере, то, что в качестве объекта его острой сатиры выступают не только страстно влюбленные юноши и развращенные старцы, но и, прежде всего сами гетеры и особенно ненавистные римскому народу сводники.

В целом необходимо отметить, что Плавт, высмеивая существующие в его обществе пороки, силой своего таланта стремился сохранить традиционные полисные ценности, которые, по его мнению, должны были являться неотъемлемой частью всей римской повседневности.

На наш взгляд, изучение таких аспектов ментальности, как общественная психология, общественное сознание, преломленных сквозь призму культуры повседневности определенной исторической эпохи, является весьма ценным и перспективным направлением в современной науке, позволяющим пролить свет на многие вопросы Клио.

В заключении излагаются общие выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования римской культуры повседневности республиканского периода.

Основные результаты исследования отражены в публикациях:

Опубликовано в ведущих, рецензируемых научных изданиях ВАК РФ

1. Топчиян Ю.А.⁹ Римская религиозная ментальность и её трансформация (по материалам произведений Плавта и Теренция) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. – 2005. – № 10. – С. 199–201. (0,25 п.л.).

Другие публикации:

2. Топчиян Ю.А. Художественные произведения как средство изучения социальной психологии // Язык и культура: Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2004. – С. 62–67. (0,3 п.л.).
3. Топчиян Ю.А. Образная актуализация коллективного бессознательно-гно: сновидение как источник социально-психологических представлений о жизни древнего римлянина // Культура. Литература. Язык: Материалы конференции «Чтения Ушинского». Часть 2. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2005. – С. 87–95. (0,4 п.л.).
4. Топчиян Ю.А. Текст поведения римлянина в текстах Плавта // Фигуры истории, или «общие места» историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А.В. Малинов. – СПб.: Издательство «Северная Звезда», 2005. – С. 421–428. (0,5 п.л.).
5. Топчиян Ю.А. Брак и семья в восприятии римлян республиканского периода // Ярославский педагогический вестник. – 2005. – №2. – С. 49–54. (0,4 п.л.).
6. Топчиян Ю.А. Тексты Плавта как источник сведений об историко-бытовых реалиях жизни древних римлян // Человек в информационном пространстве: Сборник научных трудов. – Ярославль–Воронеж, 2005. Вып. 4. – С. 145–148. (0,3 п.л.).
7. Топчиян Ю.А. Культура повседневности как призма социальной критики в комедиях Теренция // Человек в информационном пространстве: Сборник научных трудов. – Ярославль–Воронеж, 2006. Вып. 6. – С. 209–213. (0,3 п.л.).

⁹ В связи с заключением брака фамилия автора изменена с Ю.А. Топчиян на Ю.А. Ильмову (свидетельство о заключении брака И-ГР № 582099 от 08.09.2006 г.).

Формат 60x90 1/16

Печать офсетная

Усл. печ. л. 1,25

Тираж 100 экз.

Заказ 1615

Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Ярославский государственный
педагогический университет имени К.Д. Ушинского»,
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108

Типография

ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского» ,
150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44

